

Сузи К. Франк

ПРОЕКТ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК НОРМАТИВНЫЙ ПРОЕКТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (С ИМПЕРСКИМИ ИМПЛИКАЦИЯМИ)

Статья посвящена обзору современных концепций «мировой литературы» и сопоставлению их с представлением о многонациональной советской литературе, выработанным в литературоведении СССР. Методологические подходы к осмыслению «мировой литературы» разделяются на описательные, ориентированные на учет всего эмпирического разнообразия национальных литератур, и нормативные, предлагающие некий идеал или образец объединительных процессов. На этой основе проект советской многонациональной литературы причисляется к нормативным, причем имеющим в определенных аспектах (доминирование русского языка и русской литературы) принудительный, т.е. имперский характер.

Ключевые слова: многонациональная советская литература, теории мировой литературы, этическая нормативность концептов мировой литературы, концепт гуманизма в теории литературы.

Советская многонациональная литература представляет собой сегодня предмет прежде всего исторического интереса. Хотя следы этого проекта очевидны – в продолжающемся существовании таких журналов, как «Дружба народов», в распространении русского языка как литературного в иноязычных регионах бывшего СССР сам проект принадлежит прошлому, и никто не собирается его возрождать. А если он становится предметом научного обсуждения, то, скорее всего, с постколониальной точки зрения в связи с исследованием колониального или имперского характера советской культурной политики.

Имперские аспекты советской многонациональной литературы интересуют меня тоже – я уже писала об амбивалентности импер-

ских и антиимперских аспектов этого проекта. Но в данной статье хочу предложить, на первый взгляд, неожиданный подход: я попробую взглянуть на советскую многонациональную литературу в свете концепта мировой литературы, выявить ее любопытные аспекты в сопоставлении с актуальными теориями мировой литературы и впоследствии задаться вопросом об отличии советского проекта от этого концепта и о природе его «имперскости».

1. «Многонациональная советская литература» – концепт мировой литературы?

Многонациональная советская литература, на первый взгляд, не относится к теориям мировой литературы. Как проект сталинских 1930-х гг., т.е. времен замещения интернационализма 1920-х гг. концептом социализма в одной стране, многонациональная советская литература прежде всего направлена на создание советской литературы как единого многообразия. Разница между отдельными национальными литературами не должна была стираться, она должна была акцентироваться и в то же время нивелироваться с помощью тезиса о всеобщем историческом телеологически направленном развитии.

Понятие «мировая литература» в эти годы часто связывалось с буржуазной словесностью, например в докладе Карла Радека на съезде писателей 1934 г., и противопоставлялось «революционной» или «пролетарской», литературе, в результате чего противостояли друг другу два концепта мировой литературы: нормативный концепт революционной литературы и «мировая литература» – понятие, которое чаще всего употреблялось для обозначения буржуазной литературы, детерминированной законами мирового рынка.

Позиция М. Горького, возглавившего первый всесоюзный съезд писателей, сильно отличалась от позиции Радека в двух отношениях (и в конечном итоге именно она определила дальнейшую судьбу многонациональной советской литературы): во-первых, Горький сфокусировался исключительно на советской литературе и не противопоставлял ей негативный образ мировой литературы. Во-вторых, в горьковском определении советской литературы многое корреспондирует с его более ранними размышлениями по поводу дидактически-издательского проекта всемирной литературы.

Понимая «всемирную литературу» как инструмент воспитания гуманизма, помогающий осознавать *conditio humana* в принципе [1. С. 274–281], Горький писал в 1918 г. – пока еще совсем в духе экзистенциальной философии – что всемирной литературы как таковой нет («потому что нет еще языка единого для всех»), но всем национальным литературам свойственна общая тематика,

единство общечеловеческих чувств, мыслей, идей, единство священного стремления человека к счастью, свобода духа, единство отвращения к несчастьям жизни, единство надежд на возможность лучших форм бытия и, наконец, .. жажда чего-то неуловимого словом и мыслью, едва уловимого чувством, - таинственного чего-то, чему мы дали бледное имя – красота и что цветет в мире – в наших сердцах – все более ярко и празднично [1. С. 275].

Далее он замечает, что задача новой литературы состоит в том, чтобы привести читателей всех стран к осознанию этой общности, этого **всечеловеческого братства**¹:

Художественная литература, живая и образная история подвигов и ошибок, заслуг и заблуждений наших предков, обладающая могучей способностью влиять на организацию мысли, смягчая грубость инстинкта, воспитывая волю, **должна, наконец, исполнить свою планетарную роль**, – роль силы, наиболее крепко и глубоко изнутри **объединяющей народы сознанием общности** их страданий и желаний, сознанием единства их стремления к счастью жизни разумной и свободной [1. С. 280].

Область литературного творчества – **Интернационал духа**, и в наши дни, когда идея братства народов, **идея социального Интернационала** превращается, по-видимому, в действительность, в необходимость, – в наши дни необходимо приложить все усилия для того, чтобы **усвоение спасительной идеи всечеловеческого братства** развивалось возможно быстро, проникая в глубины разума и воли масс [Там же].

На мой взгляд, «многонациональная советская литература» в 1930-е гг. непосредственно основывается на более раннем проекте, исходит из него, разделяя свойственный ему нормативный подход и задачу распространения гуманистических, т.е. общечеловеческих и не пар-

¹ Все выделения в тексте – автора статьи.

тикулярных (национальных), ценностей. И даже там, где концепт многонациональной советской литературы якобы территориально ограничивается, оказывается, что это ограничение непринципиально. Ведь он не исчерпывается только тем, чтобы выдвинуть идею «единства в многообразии»² и способствовать возрождению многообразия национального при условии высшего советского единства, он еще и отличается неограниченной интегративностью и экспансивностью.

Экспансивность можно увидеть в основополагающем тезисе о единстве исторического развития всех литератур мира по одной оси, авангард, или острое, которого, как предполагалось, представляла собой советская литература и ее доминирующий стиль социалистического реализма. Эта предпосылка позволяет или даже требует возможности включения не только тех литератур, которые уже являются частью литературы всего Советского Союза, но и всех остальных. Подобная интегративность обуславливалась и возможностью развития и воскрешения всех локальных / национальных литератур мира на основе осознания «единства исторических задач, решаемых всеми народами (Советского Союза)», и с помощью **единства творческого направления**, т.е. соцреализма [2. Т. 1. С. 25]³.

Работы Георгия Ломидзе, с 1955 по 1988 г. заведующего кафедрой «Литературы народов Советского Союза» в Институте мировой литературы Академии наук СССР, опубликованные в течение десятилетий, снова и снова демонстрируют двойной смысл понятия «советская многонациональная литература», с одной стороны, как инструмента концептуализации советской литературы – наднациональной литературы **советской «родины»**, литературы, способствующей советскому патриотизму⁴, а с другой – как инструмента

² Ср. «Историю советской многонациональной литературы» [2] с формулой «многообразие в единстве» (и по пути к единству).

³ Ср. как Г.И. Ломидзе, хотя и имплицитно, описывает «подлинное национальное возрождение» [3. С. 37] с помощью метасюжета: **истории о гибели и воскрешении национальных культур в советском духе**, главным приемом которого является контрастное сопоставление прошлого с настоящим [Там же. С. 47].

⁴ «Свое» для «национально ограниченного» человека – узко для советского человека: «советская Родина» воспринимается «в единстве с тем краем, где он впервые открыл глаза». «Чувство любви к большой советской земле делает близким все, с чем ассоциируется трепетное и дорогое понятие Родины» [3. С. 31]. Об (пред)истории советской многонациональной литературы см. у того же Г. Ломидзе («По пути к творческому единству» [2. Т. 1.

советского интернационализма, понятие которого имплицитно **принципиальную возможность экспансии советского мира на весь мир:**

Советский человек **не делает выбора между народами**. <...> Идеология интернационализма, равенства и свободы нации открывает им души незнакомых людей, дает возможность рассмотреть <...> в каждой нации все то лучшее, прогрессивное, самобытное, чем она располагает [3. С. 49–50].

Поэту-интернационалисту чужды недружелюбие и неприязнь к американскому народу [Там же. С. 53].

Неслучайно и определение задач **интернационального нарратива** оказывается параллельно задаче нарратива многонационального, а именно показать, что национальность в конечном счете не имеет значения, национальность не представляет собой ценности – ценны только человек и его гуманные качества⁵. Цель многонациональной советской литературе состоит, в первую очередь, в распространении гуманизма.

Давайте рассмотрим этот сегодня почти забытый концепт в контексте актуальных подходов к очень популярной в современном литературоведении теме мировой литературы!

2. Концепты мировой литературы?

В современной теории литературы дискуссия о понятии «мировая литература» – одна из самых оживленных: это, конечно, нужно понимать в контексте глобализации и все нарастающего всемирного

С. 7–94)): «Становление советской многонациональной литературы началось **еще задолго до революции** – по крайней мере в тех регионах, где уже развивалась письменная художественная литература. Оно началось со взаимосвязями между русской и национальными литературами, причем русская литература дала пример другим литературам», и задолго до определения концепта многонациональной литературы. Развитие началось сразу после революции, примером чему служит рассказ «Аджар» киргизского автора К. Баялинова о похищенной девушке, которая побежала и впоследствии погибла. «Пафос повести в том, что к прошлому нет возврата» [2. Т. 1. С. 16].

⁵ Примеры – Альфонсас Беляускас «Мы еще увидимся, Вильма!» и «Товарищ Ганц» А. Рекемчука с героем Санькой Рымаревым: военные сюжеты, в которых некоторые немцы оказываются прекрасными людьми [3. С. 64–73].

потока миграции. Интересно, насколько определения мировой литературы сегодня расходятся и конкурируют между собой.

В общем можно различить подходы, считающие литературу самостоятельной динамичной системой, и взгляды, исходящие из детерминированности литературы факторами культурно-исторического, социально-политического и экономического контекста. С другой стороны, подходы, претендующие на дескриптивность и якобы довольствующиеся нейтральным анализом, противостоят нормативным подходам, понимающим и пропагандирующим мировую литературу как проект общекультурного значения. Чаще всего эти нормативные подходы тоже претендуют на объективность предпосылок, на которых они основаны, но они не довольствуются анализом, они выполняют миссию.

Поскольку, на первый взгляд, трудно сказать, какой подход в данный момент доминирует не только в западной, но также и в российской дискуссии (если она есть)⁶, давайте посмотрим подробнее на конкурирующие точки зрения, не забывая при этом о замысле статьи: выяснить позицию и специфику концепта «советской многонациональной литературы» в контексте теорий мировой литературы.

Интенсивно обсуждаемое исключение из актуальной дискуссии о мировой литературе представляет собой исследование Паскаль Казанова «Всемирная республика литературы» [5] (*République mondiale des lettres* – дословно скорее «республика ученых» или «республика духа»), которое, как практически единственная реплика в современной западной дискуссии, было переведено на русский язык практически сразу, в 2003 г. [6]. Французская исследовательница, предпосылки мышления которой сродни системным размышлениям Ю.Н. Тынянова и его последователей, представителей рецептивной эстетики, исходит из существования «мировой республики литературы», живущей по своим собственным законам, несмотря на то что судьба каждого автора всегда и везде детерминирована условиями

⁶ Самое свежее в этой области – статья Н.Т. Пахсарьян, профессора МГУ, «Современные дискуссии о концепции мировой литературы в художественно-филологическом романе-диалоге Ж. Давида» (2014) [4]. Н.Т. Пахсарьян может ссылаться лишь на две монографии: В.А. Аветисяна «Гете и проблемы мировой литературы» (1980), на основе которой автор защитил диссертацию в 1987 г., и С.В. Тураева «Гете и формирование концепции мировой литературы» (1989).

политического, социального и геополитического контекстов. Но динамика республики определена собственными, внутренними, чисто эстетическими законами: например, тот факт, что когда-то французский язык «победил» латынь, обусловлен «высочайшей и сложной олитературенностью французского, позволившей выдержать конкуренцию с языком Цицерона» [6. С. 74]. Именно победа в этой борьбе сделала французский язык кумиром евроцентричного мира и способствовала, как полагает Казанова, тому, что именно Париж стал столицей республики мировой литературы.

Стэнфордский литературовед Франко Моретти (хотя его подход базируется на мировоззренческих тезисах школы исторической экономики Э. Воллестина) предлагает подход, в котором литература также рассматривается как система, которая обладает своей динамикой⁷. Главное отличие по сравнению с Казанова состоит в том, что динамика литературы здесь коррелирует с геополитическим разделением мира, но при этом периферийные явления литературы не менее интересны, чем явления в центре. В целом подход Моретти более обширен. Основной его тезис: мировая литература – это система, которая является в то же время единой и неравномерной. Аналогично структуре геополитической системы мира, в мировой системе литературы асимметричным образом коррелируют центр и периферия: мировая литература – это действительно система, однако такая, которая состоит из *разновидностей*. Система была едина, но не единообразна. Давление со стороны англо-французского ядра было *попыткой* сделать ее единообразной, однако оно так и не смогло полностью уничтожить существующие различия. Когда Моретти пишет, что внедрения жанра из центра на периферию всегда происходят в виде компромисса между западными формальными влияниями (как правило, французскими или английскими) и местным материалом, размышления Моретти соприкасаются с идеями Тынянова, с идеями семиотики культуры Лотмана (концепт периферии), а также и с тезисом гибридизации Хоми Баба. Однако Моретти не ссылается ни на кого из них эксплицитно.

⁷ Концепция Франко Моретти наиболее последовательно выражена в его работе «Гипотезы о мировой литературе» [7].

Подобно Моретти большинство современных подходов не рассматривают литературу как независимую от условий контекста систему, но, в отличие от Моретти и Казанова, остальные современные концепции не ограничиваются дескриптивностью, а предпочитают нормативный подход.

В теории мировой литературы нормативность восходит к самым началам: к определениям Гете, с одной стороны, и Карла Маркса – с другой, потому что первый и второй якобы нейтрально описывают процесс, но в то же время оба подразумевают что-то сугубо нормативное.

В контексте культурно-политической борьбы за немецкую нацию Гете исходит из наблюдений актуального развития литературы: «Эпоха национальных литератур позади – наступает эпоха мировой литературы». Гете воспринимает мировую литературу как неизбежный факт, но при этом отличает нежелательное развитие от желаемого значения: мировая литература в плохом смысле – это то, что производит рынок. Мировая литература в хорошем смысле – это, по Гете, «всеобщая, универсальная литература», выражающая единство человечества, пронизывающая все национальные литературы, но не разрушающая их индивидуальности, иными словами, многонациональная литература на основе гуманизма [8–10].

В отличие от Гете ни Маркс, ни Энгельс не различают «плохую» и «хорошую» мировую литературу. Они рассматривают «Weltliteratur» принципиально как симптом реального положения вещей, как явление «буржуазного космополитизма», которому они противопоставляют коммунизм как идеал, находящийся в состоянии конфронтации к реальности:

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, – отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потреб-

ностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература («Коммунистический манифест», 1848 [11]).

Наиболее актуальные современные концепции теории мировой литературы восходят к Гете и к Марксу в своей нормативности.

Дэвид Дэмрош – самый популярный сегодня американский теоретик мировой литературы и, наверное, самый либеральный, который с помощью неограниченной плюрализации канона радикальным образом индивидуализирует понятие мировой литературы. Но и в подходе Дэмроша сохраняется нормативное ядро. Вслед за Гете Дэмрош отделяет «хорошую», «настоящую» мировую литературу от «плохой», «некачественной». Он делает различие между региональной, или локальной, литературой, обладающей потенциальной способностью стать мировой литературой, и «глобальной литературой» бестселлеров, которая ему кажется неинтересной, потому что она является простым продуктом глобального рынка и потеряла связь с культурной родиной (homeland). Дэмрош не почвенник, он признает преобладание транснациональных авторов, авторов, оторванных от страны своего происхождения (он называет примеры С. Рушди или О. Памука), но для американского теоретика они интересны и представляют «мировую литературу» потому, что в их произведениях сохраняется нечто локальное, что, по мнению Дэмроша, принципиально для мировой литературы и делает возможной встречу локальной литературы со своей культурной «инаковостью» (altérité) [12].

Менее плюралистично определяют мировую литературу другие последователи позиции Гёте, рецепция которых идет через Эриха Ауербаха. Написанные в турецком изгнании в эпоху гитлеровской Германии его «Заметки о филологии мировой литературы» [13] в отношении ценностных ориентиров продолжают традицию Гёте, но

переносят акцент на языковую специфику мировой литературы как транснациональной. В комментарии к своему переводу статьи Ауербаха Эдвард Сайд, создатель эпохального труда «Ориентализм», вслед за переводимым автором полагает, что *Weltliteratur* – это «всеобщая, универсальная литература», выражающая единство Человечества, пронизывающая все национальные литературы, но не разрушающая их индивидуальности. Сайд снова отмечает, что только «литература, изображающая гуманизм», должна быть включена в круг мировой литературы [14].

Другой современный теоретик Эмили Эптер вслед за Ауербахом подчеркивает важность языкового уровня, трансгрессивного использования языка(-ов) (*translingualism*) как критерия мировой литературы [15, 16].

В отличие от Дэроша, Саида и Эптер, молодой литературовед калифорнийского университета Беркли Пенг Чи [17] основывает свое определение мировой литературы на постулатах Маркса и Энгельса. Однако Чи не довольствуется описанием негативного *status quo*, т.е. буржуазного космополитизма. Его нормативный подход в гораздо большей степени, чем у Саида или Дэроша, полагает мировую литературу инструментом воспитания и даже преобразования мира:

...a conceptually more rigorous way of understanding world literature's normativity as a modality of cosmopolitanism that is responsible and responsive to the need to remake the world as a hospitable place, that is, a place that is open to the emergence of peoples that globalization deprives of world [17. P. 326].

При этом Чи ссылается на концепт «сотворения мира» (*world-making*), обоснованный в свое время Ханной Арендт [18] и недавно возобновленный у Ж. Деррида и Ж.-Л. Нанси в понятии «*mondialisation*» [19, 20]. В своей книге «*La Création du Monde ou la Mondialisation*» (2002) Нанси проводит различие между глобализацией и мондиализацией. Оба понятия ссылаются на ситуацию, когда все являются элементами единого мира, части которого не могут быть отделены друг от друга. Но если глобализация означает «агломерацию» – ситуацию, в которой, как Нанси пишет, «глоб» под давлением капитализма, дегенерировал в «глом» – в ситуацию безразличной, недифференцированной тотальности, то мондиализация, как ее понимает Нанси, означает креативный акт «создания мира» в

смысле воспроизведения смысла. Мондиализация, в понимании Нанси, создает горизонт мира как пространства значимости человеческих отношений в целом (“*mondialisation* gives a better account of a ‘horizon of a ‘world’ as a space of possible meaning for the whole of human relations (or as a space of possible significance”) [20. Р. 27]. Это различие, которое Чи подхватывает в своем определении мировой литературы, противопоставляет активно-нормативное понятие мондиализации, дающее возможность содействовать или, если нужно, противостоять нежеланным развитиям и (вос)произвести новые значения, соотношения, иными словами, противопоставляет новый более человеческий мир нейтрально-описательному понятию глобализации, предпосылкой которой является восприятие динамики капитализма как неопровержимого факта.

В духе диалектического материализма Чи предполагает, что все локальные национальные культуры и литературы расположены на одной и той же оси развития экономических систем, и только вдоль этой единственной оси развивается мировая культура. Соответственно, литература, занимающая место на верхушке оси, представляет собой авангард глобального развития и должна рассматриваться как мировая литература.

Если сейчас вернуться к концепту советской многонациональной литературы, то, на мой взгляд, нетрудно увидеть параллели, они даже очевидны.

Все актуальные нормативные подходы разделяют с моделью советской литературы взгляд на литературу как инструмент воспитания в парадигме универсальных ценностей гуманизма (однако подразумевают ли все под гуманизмом одно и то же – это, конечно, вопрос). И все, возможно, кроме Чи, признают при этом разнообразие национальных / локальных культур и требуют, чтобы мировая литература тоже функционировала, признавая это разнообразие⁸, а также была способом установления братского сообщества культур.

Если Чи ставит свое нормативное определение мировой литературы в историческую или, вернее, временную перспективу и тем самым конструирует на вышеупомянутой исторической оси универ-

⁸ Подразумевая, однако, что они, в отличие универсалий гуманизма, не вечны и не принципиальны, а случайны и историчны.

сальную иерархию, то параллель с определением многонациональной советской литературы (и Горького, и Ломидзе) становится еще более очевидной. Как странно, однако, что ни Чи, ни Нанси не замечают или не отмечают этой параллели!

3. Что делает концепты мировой литературы имперскими?

Последний вопрос, которым я хочу задаться, – это вопрос о том, при каких условиях концепты мировой литературы становятся имперскими? Что именно, какие идеи, предположения заставляют подозревать их имперскость?

Советская литературная политика обвиняется в колониализме, в угнетении и, отчасти, уничтожении национальных литератур. Как проект и концепт мотивировкой идеи советской многонациональной литературы, так же как в вышеописанных западных концепциях, была ее освободительная миссия. В чем тогда заключается имперскость модели мировой литературы, и где начинается имперскость?

Может быть, это утверждение наличия одной-единственной оси исторического развития культур и, следовательно, иерархизация культур / литератур? Или это инструментализация литературы в целях воспитания? Или, может быть, это сама универсалистская предпосылка служения гуманизму, нормативная априоризация универсальных ценностей, иерархическое распределение эстетических критериев, диктат одной эстетической нормы, привилегированное положение одной (локальной) культуры / литературы (или группы литератур) по отношению к другим, одного языка по отношению к другому или же только в способе применения этого языка, более или менее насильственное предписание его использования сверхху?

Если предположить, что другие названные концепты не имперские, но в некоторых случаях описывают асимметрические ситуации власти (Моретти и др.), и если допустить, что сама нормативность еще не равнозначна имперскости, то единственное, что отличает советский проект, – это модус отчасти насильственного применения, а также программное доминирование русского языка.

Представленные западные модели или не тематизируют преобладание одного языка, говоря только о гарантии перевода, или якобы

только описательно обсуждают языковую доминанту в исторической перспективе (Казанова о французском языке). Некоторые из них акцентируют транслингвальность как необходимый признак мировой литературы, который принципиально отличает ее от национальных литератур. Но ни один подход не пропагандирует настолько нормативно и программно преимущество одного языка перед другими, как это делает концепт многонациональной советской литературы. С самого начала этот проект предусматривал для русской литературы, которая никогда не считалась просто национальной, особую, ведущую роль на трех уровнях:

- на уровне канона: русская классика должна была служить примером для всех национальных литератур (ср.: «Без русской классики советские писатели не представляют себе своего духовного развития» [2. Т. 1. С. 29], а Горькому и Маяковскому приписывается роль главных наставников развивающейся советской литературы;

- на уровне посредничества: «Через русскую литературу в культурный обиход различных национальностей <должна была войти> и мировая литература» [Там же. С. 28];

- на уровне языка: русский язык – это, как подчеркивает в своем программном докладе уже Горький, язык не национальной, а интернациональной литературы:

...советскую литературу на русском языке читают теперь не только русские массы, но и трудящиеся всех народов нашего Советского Союза; на ней воспитываются миллионы подрастающего поколения всех национальностей.

Таким образом, *советско-пролетарская художественная литература на русском языке* уже перестает быть литературой исключительно людей, говорящих на русском языке и имеющих русское происхождение, а постепенно приобретает *интернациональный характер* и по своей форме («Советская литература» [21. С. 15])⁹.

В заключение позволю высказать несколько замечаний об актуальном литературном развитии России в связи с вопросом о следах, последствиях или стратегиях концепта советской многонациональной литературы и связанного с ней концепта мировой литературы,

⁹ Курсив Горького. – С.Ф.

которые в нем (т. е., в современном русском литературном процессе) можно найти.

С одной стороны, литературное развитие в России не очень отличается от развития в бывших республиках Советского Союза. И тут и там можно говорить о «ренационализации» литературы. Однако ренационализация в России несколько отличается от ренационализации в соседних странах, потому что она опять-таки основывается на положениях бывшего имперского, транснационального и мирового концепта.

1. Так, например, Чингиз Гусейнов пишет о «большой русской литературе», к традиции которой относятся и «русскоязычные националы»¹⁰, но «которую созидают в Новейшее время во всех регионах мира и представители разных народов, воспитанные на традициях русской литературы и вынесенные волнами эмиграции во все части света, начиная от Австралии, Америки и Европы и кончая Израилем... Это не только литература чистого русского этноса, но всемирная, и в этом качестве она требует нового подхода и осмысления с точки зрения отражения иноэтнического бытия через русское слово» [22].

2. Если смотреть на процесс канонизации современной литературы в последние годы, то стратегию реконструкции многонационального можно увидеть, например, в акцентуации нерусских сюжетов.

С другой стороны, современная российская литература в отличие от постсоветских национальных литератур своими транснациональными стратегиями, с помощью которых культивируется память империи, имеет интенцию скорее к закрытию культурного горизонта, нежели к открытию глобального диалога национальных литератур на основе модели свободного рынка.

Если Пасхарьян в своей статье о романе женеvского писателя и литературоведа Ж. Давида резюмирует, что он полемизирует с теми современными теоретиками, которые используют Гёте для утверждения антиглобалистской позиции, то он не только идеализирует Гёте, но и имплицитно размышляет о концепции «многонациональной советской литературы». С точки зрения Ж. Давида, это понятие сегодня часто используют те, кого беспокоит глобализация. Трактую процесс глобализации как исключительно коммерциализацию, про-

¹⁰ Подразумеваются Ч. Айтматов, В. Быков, Зулъфикаров, Сулейменов и Пулатов.

никовение в сферу литературы рынка, они ссылаются на Гёте, который этого, по их мнению, боялся. Ж. Давид уточняет, что «мировая литература» как проект предполагала у Гёте некое мировое содружество писателей, противостоящих транснациональной посредственности, но это не означало отказа от внимания к тем процессам формирования подобного мирового содружества, которые происходят «внизу», «на полях» литературного пространства. Немецкий классик не мечтал о всемирности, устанавливаемой сверху. Именно это и делает возможным сегодняшнее обращение к его концепции «мировой литературы» [10].

Литература

1. Горький М. Несобранные литературно-критические статьи / ред. С.М. Брейтбург. М.: Гослитиздат, 1941. 552 с.
2. История советской многонациональной литературы: В 6 т. М.: Наука, 1970–1974.
3. Ломидзе Г.И. Интернациональный пафос советской литературы: размышления, оценки, спор. М.: Советский писатель, 1970. 372 с.
4. Пахсарьян Н.Т. Современные дискуссии о концепции мировой литературы в художественно-филологическом романе-диалоге Ж. Давида // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Сер. Філологічні науки. 2014. № 1 (7). С. 28–34.
5. Casanova P. La république mondiale des lettres. Paris: Seuil, 1999. 504 p.
6. Казанова П. Мировая республика литературы. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2003. 416 с.
7. Moretti F. Conjectures on World Literature // New Left Review. 2000. № 1. P. 55–67.
8. Goethes wichtigste Äußerungen über Weltliteratur // Goethe J.W.v. Werke: 14 Bde. Hamburg: C.H. Beck Verlag, 1963. Bd. 12. S. 361–363.
9. D'haen Th. Goethe's *Weltliteratur* and the humanist ideal // The Routledge concise history of world literature. London-New York: Routledge, 2012. P. 27–47.
10. David J. Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la «littérature mondiale». Paris: Les Prairies Ordinaires, 2011. 320 p.
11. Marx K., Engels F. Werke: 43 Bde. Berlin: Dietz Verlag, 1974. Bd. 4. 720 s.
12. Damrosch D. What is World Literature? Princeton: Princeton University Press, 2003. 324 p.
13. Auerbach E. Philologie der Weltliteratur // Philologie der Weltliteratur. Sechs Versuche über Stil und Wirklichkeitswahrnehmung. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1992. S. 83–96.

14. Said E. Erich Auerbach: Critic of the earthly world // *Boundary 2*. 2004. Vol. 31. P. 11–34.
15. Apter E. *The Translation Zone. A new comparative literature*. Princeton; Oxford: University Press Group Ltd, 2005. 312 p.
16. Apter E. *Against World literature. On the politics of untranslatability*. London; New York: Verso, 2013. 382 p.
17. Cheah P. World against globe: Toward a normative position of World literature // *New Literary History*. 2014. Vol. 45. № 3. P. 303–329.
18. Arendt H. *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press, 1958. 325 p.
19. Derrida J. *Globalization, Peace and Cosmopolitanism // Negotiations: Interventions and Interviews, 1971–2001 / Ed. and trans. by E. Rottenberg*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2002. P. 371–386.
20. Nancy J.-L. *The Creation of the World or Globalization*. Albany: State of New York University Press, 2007. 137 p.
21. Первый всесоюзный съезд советских писателей. М.: Советский писатель, 1990. 564 с.
22. Гусейнов Ч. К вопросу о русскости нерусских // *Дружба народов*. 2014. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2014/4/21g.html>

PROJECT OF MULTI-NATIONAL SOVIET LITERATURE AS A NORMATIVE PROJECT OF WORLD LITERATURE (WITH IMPERIAL IMPLICATIONS)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 11, pp. 230–247. DOI: 10.17223/24099554/11/10

Susanne K. Frank, Humboldt University of Berlin (Berlin, Germany). E-mail: susanne.frank@staff.hu-berlin.de

Keywords: multinational Soviet literature, theory of world literature, ethical normativity of world literature concepts, concept of humanism in literary theory.

The article offers a brief outline of the methodological foundations of the concept of multinational Soviet literature, developed in the USSR literary criticism. As a project of the Stalin era, i.e. times when internationalism of the 1920s was replaced with the concept of socialism in one country, multinational Soviet literature is primarily aimed at creating literature as a single diversity. The difference between national literatures was not to be eliminated, but accentuated and simultaneously leveled out through the thesis about the general historical teleologically directed development, whose vanguard represented socialist realism. The project implied that nationality did not matter. Only a person and their humane qualities were valuable. The goal of multinational Soviet literature was primarily to spread a kind “proletarian” humanism, in its specific understanding. The Soviet project is compared with modern concepts of “world literature”, whose methodological approaches are divided into descriptive, fo-

cused on accounting for the entire empirical diversity of national literatures (P. Kazanova, F. Moretti), and regulatory, offering a certain ideal or sample of a unifying processes (J.W. Goethe, K. Marx, E. Auerbach, D. Damrosh, P. Chi, J.-L. Nancy). For example, David Damrosh, the most popular American theorist of world literature today, separates “good” and “real” world literature from “bad” and “low-quality”. He distinguishes regional or local literature, with its potential to become world literature, from the “global literature” of bestsellers, which he finds uninteresting because it is a simple product of the global market and has lost touch with the cultural homeland. In his definition of world literature, P. Chi contrasts the actively normative concept of mondialization (J.-L. Nancy), giving the opportunity to promote or, if necessary, resist unwanted developments and (re)produce new meanings, with the world globalization, caused by the dynamics of capitalism. Summing up, we can say that all modern regulatory approaches share with the model of Soviet literature the understanding of literature as an instrument of education in the paradigm of universal values of “humanism”. On this basis, the project of the Soviet multinational literature is also ranked as normative, having in certain aspects (the dominance of the Russian language and Russian literature) compulsory, i.e. imperial character.

References

1. Gorky, M. (1941) *Nesobrannnye literaturno-kriticheskie stat'i* [Uncollected literary and critical articles]. Moscow: Goslitizdat.
2. Lomidze, G.I. & Timofeev, L.I. (eds) (1970–1974) *Istoriya sovetskoy mnogonatsional'noy literatury: V 6 t.* [History of the Soviet multinational literature: In 6 vols]. Moscow: Nauka.
3. Lomidze, G.I. (1970) *Internatsional'nyy pafos sovetskoy literatury: razmyshleniya, otsenki, spor* [International pathos of Soviet literature: reflections, evaluations, controversy]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
4. Pakhsaryan, N.T. (2014) Sovremennye diskussii o kontseptsii mirovoy literatury v khudozhestvenno-filologicheskoy romane-dialoge Zh. Davida [Modern discussions on the concept of world literature in the artistic-philological novel-dialogue of J. David]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu imeni Al'freda Nobelya. Seriya "Filologichni nauki"*. 1(7). pp. 28–34.
5. Casanova, P. (1999) *La république mondiale des lettres*. Paris: Seuil.
6. Casanova, P. (2003) *Mirovaya respublika literatury* [World Republic of Literature]. Translated from French. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh.
7. Moretti, F. (2000) Conjectures on World Literature. *New Left Review*. 1. pp. 55–67.
8. Goethe, J.W.v. (1963) *Werke: 14 Bde.* Vol. 12. Hamburg: C.H. Beck Verlag. pp. 361–363.
9. D'haen, Th. (2012) *The Routledge Concise History of World Literature*. London; New York: Routledge. pp. 27–47.

10. David, J. (2011) *Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la "littérature mondiale"*. Paris: Les Prairies Ordinaires.
11. Marx, K. & Engels, F. (1974) *Werke: 43 Bde.* Vol. 4. Berlin: Dietz Verlag.
12. Damrosch, D. (2003) *What is World Literature?* Princeton: Princeton University Press
13. Auerbach, E. (1992) *Philologie der Weltliteratur. Sechs Versuche über Stil und Wirklichkeitswahrnehmung.* Frankfurt on Main: Fischer Verlag. pp. 83–96.
14. Said, E. (2004) Erich Auerbach: Critic of the earthly world. *Boundary 2*. 31. pp. 11–34.
15. Apter, E. (2005) *The Translation Zone. A new comparative literature.* Princeton–Oxford: University Press Group Ltd.
16. Apter, E. (2013) *Against World literature. On the politics of untranslatability.* London; New York: Verso.
17. Cheah, P. (2014) World against globe: Toward a normative position of World literature. *New Literary History*. 45(3). pp. 303–329. DOI: 10.1353/nlh.2014.0021
18. Arendt, H. (1958) *The Human Condition.* Chicago: University of Chicago Press.
19. Derrida, J. (2002) *Negotiations: Interventions and Interviews, 1971–2001.* Stanford, CA: Stanford University Press. pp. 371–386.
20. Nancy, J.-L. (2007) *The Creation of the World or Globalization.* Albany: State of New York University Press.
21. Anon. (1990) *Pervyy vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley* [The First All-Union Congress of Soviet Writers]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
22. Guseynov, Ch. (2014) K voprosu o russkosti nerusskikh [On the Russianness of non-Russians]. *Druzhba narodov*. 4. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2014/4/21g.html>